

Билеты (учитывая эксклюзивность события) не могли быть дешевыми. Так что зрелище, обещанное нам компанией «АРТ-клуб XXI» и Имперским русским балетом Гедиминаса Таранды, оказалось для тонких ценителей.

Майя Михайловна – женщина-магия. Чтобы увидеть ее на сцене, скромные московские зрители не пожалели месячной зарплаты. И в чем-то главном, искреннем и трогательном их энтузиазм оправдал себя. Вечер-дивертисимент таил подводные камни и сюрпризы, но то, ради чего пришла публика, не пострадало от особенностей творческого самовыражения Имперского русского балета.

Странное «Болеро» Николая Андросова, выполненное в начале вечера труппой Имперского балета с солирующими Ольгой Павловой, Ириной Тагаевой и Гедиминасом Тарандой, призвано было воскресить в памяти то гениальное «Болеро» Мориса Бежара, которое разорвавшейся бомбой влетело в 70-х на сцену Большого театра. Как вызывающее авангардна всегда была Майя и как она умела добиваться своего даже в годы застоя! «Болеро» сегодняшнего дня не таково: оно ритуально по форме и невнятно по содержанию. Нельзя сказать, чтобы оркестр под управлением Андрея Чистякова поднялся на уровень, конгениальный музыке Равеля. Хотя фальшивоть нот вполне естественно уживалась с надуманностью и многозначительностью хореографии. Черные с золотом кринолины Аллы Коженковой, одинаковые и для мужчин, и для женщин, добавили спектаклю зрелищности и отвлекли зрителя от недоуменных мыслей. Одним словом, легенда «Болеро» Майи осталась непоколебленной.

А потом она появилась сама. В облике бежаровской Айседоры. Неувядающей, обво-

До встречи, Айседора!

БАЛЕТ

Анонсированное одновременно с гастролями Дэвида Копперфильда «Явление Майи» было предназначено для массового поклонения, поскольку ожидалось на сцене Большого Кремлевского дворца.

рожительной, вечной. Хотя, конечно, к радости приближения к легенде неизбежно привешивалось чувство горечи: экзерсис, вальс, «Траурный марш» Шопена, «Марсельеза», «Турецкий марш» Моцарта были скорее воспоминаниями о движениях, завораживавших в былые времена. Но шедевр есть шедевр: как всегда, неподражаемо и очаровательно играет камушками Айседора Плисецкой под музыку «Турецкого марша». До чего простой и минималистский спектакль сочинил в свое время Бежар! Кажется, что так может пройти любая. Но в том-то и магия таланта Майи, что так пройти надо иметь право. И право этодается только отмеченным судьбой. (Не в первый раз моя посетила мысль, что, наверное, Майя Плисецкая и сейчас танцует лучше Айседоры Дункан.) Узнаваемые, легендарные позы, зафиксированные в буклете на фотографиях Георгия Соловьева, по-прежнему царственно завершали каждую новеллу. Но по настоящему жили только руки – неподражаемо женственные, гибкие руки неземного существа.

Эти руки останутся символом Лебедя Плисецкой, которого принимали как «O sole mio!» Паваротти в концерте трех теноров, с криками и аплодисментами, подходящими больше миру шоу-бизнеса, нежели классическому ис-

кусству. Но тому были свои причины. Имперский русский балет оказался труппой контрастов. Нимало не смущаясь, и кони, и трепетные лани, и люди, и львы, и куропатки были впряжены в одну телегу. Авторы представления невозмутимо соединили помпезный полонез из «Евгения Онегина», гран-па из «Дон Кихота», современные номера Николая Андросова «Скрипач» и «Ундини», «Классическое паде-дэ» Обера, посвящение Плисецкой на тему бессмертной «Кармен-сюиты», двусмысленный «Канкан-сюрприз» и «Лебедя» – финальный аккорд действия. Но если современные номера Андросова не противоречили главным законам дивертисмента, а «Неоконченная история» на музыку танго Астора Пьяццолы в исполнении Ольги Павловой и Гедиминаса Таранды сочетала страстную акробатику с превосходной артистической формой, то девятнадцать молодых Кармен в претенциозном «Посвящении» всего лишь растиражировали гениальный образ. Стремление к адаптации и доступности подсознательно присутствует во многих начинаниях труппы Гедиминаса Таранды. Достаточно вспомнить его новогодний проект с балетом «Щелкунчик», преподносящий зрителю усредненный вариант балетной сказки. Боюсь, происхождение этой губительной страсти кроется

в неуверенности в силах своих исполнителей и легкомысленно-приблизительном подходе к искусству. Тем более обидно, что «замыливается» (и теперь, похоже, безнадежно) образ, который все помнят как самое пленительное, шокирующее и революционное открытие в мире современного танца.

Признаться, чашу терпения переполнил «Канкан-сюрприз» Оффенбаха в постановке Николая Анохина. Сам по себе номер вовсе не плох – для эстрадного шоу, для новогоднего концерта, для балетного капустника. Он незатейлив и весел. Но пока на сцене, визжа и посвистывая, ревились девица-гренадерша (Витаутас Таранда), ее шустрые, но мелковатые кавалеры, виртуозно отплясывавшие канкан и потрясавшие наивную публику нагромождением пируэтов, особо «продвинутых» зрителей мучила единственная мысль: «Неужели следом будет «Лебедь»?» Их опасения оправдались. Вкус постановщика определяется не только выбором звезды, но и умением звезду эту преподнести, избежав соседства, унижающего кумира. Но счастливая реакция публики, отбившей ладони, заставляет усомниться в справедливости строгих требований. Как, однако, могущественны законы шоу-бизнеса и шоу-сознания...

«Мне непонятен мир, который не танцует», – говорит Айседора Майя Плисецкой. Поэтому она танцует Лебедя – чтобы вы запомнили, как это было, как у вас замирало сердце от неуверенного шага по сцене, от трагического прощания и от безумной, бессмертной красоты этих рук. До встречи, Айседора. Живи вечно!

Наталья КОЛЕСОВА